

Доминантные топосы в культурной памяти города: «Чёрное озеро» в истории, литературе и культуре Казани

Л. Е. Бушканец

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Музей Л. Н. Толстого – филиал Национального музея Республики Татарстан,
Казань, Россия
lika_kzn@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

городской текст
доминантный топос
русская литература
культурная память города
Казань

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из значимых культурных топосов Казани – существующий с начала XIX века общественный сад (сейчас парк) «Чёрное озеро». Несмотря на то, что образ Казани возникает во многих произведениях русской литературы, автор статьи полагает, что говорить о «казанском городском тексте» было бы преувеличением, так как не сложилась мифология города, нет его восприятия как символического пространства. Однако можно говорить о «предтексте», то есть о существовании достаточного количества доминантных топосов, хотя и не сложившихся в нечто целостное. Каждый из этих топосов связан с исторической и культурной памятью города, зафиксированной в русской литературе. Цель статьи – проанализировать, какими смыслами наполнялось данное пространство за почти два столетия своего развития, как менялось смысловое наполнение образа «Чёрное озеро» в литературе и культуре и, как следствие, какую роль играло это пространство с необычным названием в жизни горожан. Будучи бесплатным общественным пространством (в отличие от соседнего сада, вход в который был платным), в XIX–начале XX вв. Чёрное озеро сформировалось как пространство для студентов рядом расположенного университета и до сих пор сохраняет ориентацию на молодёжную часть горожан, что и отразилось в художественных произведениях, написанных писателями, учившимися в Казанском университете. В XX веке ведущими смыслами стали те, которые отражали соседство пространства с органами НКВД, что породило даже специфический городской фольклор. Сейчас, несмотря на хорошие решения по реконструкции пространства и возвращение в него молодёжи и в целом горожан и туристов, произошла утрата смыслов, связанных с топосом «Чёрное озеро», название воспринимается как странное, ушла культурная память о прошлом. Для политики городских властей Казани в целом характерна тенденция разрушать культурную память города, что представляется большой ошибкой.

Для цитирования:

Бушканец, Л. Е. (2024). Доминантные топосы в культурной памяти города: «Чёрное озеро» в истории, литературе и культуре Казани. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(2), 227–241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-227-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-227-241)

Dominant topos in the city cultural memory: *Chornoje ozero* («Black Lake») in Kazan history, literature, and culture

Liya Bushkanets

Kazan (Volga Region) Federal University,
L. N. Tolstoy Museum – branch of the National Museum of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia
lika_kzn@mail.ru

KEYWORDS

urban text
dominant topos
Russian literature
cultural memory of the city
Kazan

ABSTRACT

The article studies the significant Kazan cultural topos – the public garden (now a park) *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) that has existed since the beginning of the 19th century. Despite the fact that the image of Kazan appears a lot in Russian literature, the author of the article believes that it would be an exaggeration to speak about the “Kazan city text”, since the mythology of the city is not developed and the city is not perceived as a symbolic space. However, it is correct to state a “pre-text” that includes a sufficient number of dominant topoi, although they have not developed into something integral. Each of these topoi is associated with the historical and cultural memory of the city, recorded in Russian literature. The purpose of the article is to analyze the meanings that have been filling this space for almost two centuries, the semantic content of the image of *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) that has been changing in literature and culture, and hence the role which this space with an unusual name played in citizens’ lives. Being a free public space (unlike the neighboring garden with paid entrance), in the 19th – early 20th centuries *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) was formed as a space for students of a nearby university and still focuses on the youth of the city. It was reflected in the works of fiction by writers who studied at Kazan University. In the 20th century, the leading meanings of the space was about neighborhood to NKVD. It even gave rise to a specific urban folklore. Despite the fitting solutions for reconstruction of the space and the return of young people, citizens and tourists, there has been a loss of meanings associated with the topos “Black Lake”, the name is perceived as strange, the cultural memory of the past has gone. The policy of the Kazan city authorities as a whole is characterized by a tendency to destroy the cultural memory of the city, which seems to be a big mistake.

For citation:

Bushkanets, L. E. (2024). Dominant topos in the city cultural memory: *Chornoje ozero* (“Black Lake”) in Kazan history, literature, and culture. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 227–241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-227-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-227-241)

В литературоведении на стыке с урбанистикой и культурологией¹ нескольких последних десятилетий активно изучается «городской текст». Работы Н. П. Анциферова (Анциферов, 1926; Анциферов, 1991), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1984; Лотман, 1993), В. Н. Топорова (Топоров, 1984) и Н. Е. Меднис (Меднис, 2003) ввели в гуманитарные науки понятие «петербургского текста». Затем появился «московский текст», «парижский», «венецианский», а затем и многочисленные локальные тексты, появилось целое научное направление и огромное число исследований. В данном журнале, например, соответствующие материалы появились в разделе «Город как культурный локус» (Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города, 2021, № 1).

Вопреки мечтам многих краеведов и исследователей, громко открывавших «городские тексты» тех мест, в которых они трудились, далеко не каждый город, даже если он является местом действия в литературе, порождает «текст»: для этого необходимо, чтобы он стал пространством символической и даже мифологической реальности, чтобы в центре корпуса художественных произведений стоял мифопорождающий текст (как основу петербургского текста заложили Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, а московского – «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова) и для всех произведений были характерны повторяющиеся мотивы, в том числе сюжетные. Как отмечала О. А. Гриневич, «семантическое ядро царскосельского текста составляют две мифологемы (город царей и город поэтов). Данные мифологемы представлены в тексте посредством системы образов и мотивов (образы соловья и лебедя, образы царскосельских статуй, мотивы воспоминания, сна, смерти)» (Гриневич, 2021, с. 77).

Несмотря на то, что Казань неразрывно связана с историей русской литературы, вряд ли можно говорить о существовании казанского городского текста. Автор этой статьи был инициатором ряда конференций, например, «Казанский текст в литературе» (Казань, 2012), однако надо признать, что Казань не воспринимается как символическое пространство, несмотря на попытки найти такие смыслы в особом синтезе Европы и Азии, о чём писал, например, А. И. Герцен, проезжая через город. Нет и центрального мифопорождающего текста, поскольку нет культового произведения, действие которого порождено неотъемлемой спецификой города. Найденный после смерти В. Аксёнова его роман «Lend-leasing. Дети ленд-лиза», рассказывающий о военном детстве автора, вопреки ожиданиям не может выполнить этой функции из-за своей незавершённости и литературного несовершенства.

Город, стоявший на Волге, на пути на Восток, был важной географической точкой, и через Казань проезжали многие великие писатели. А. С. Пушкин был в Казани в 1833 году – здесь он собирал материалы для своей книги о Пугачёве. Н. А. Некрасов приезжал в 1846 году в надежде достать средства для осуществления заветной цели, создания журнала. В 1855 году на несколько дней останавливался в городе И. А. Гончаров, возвращавшийся из плавания на фрегате «Паллада». Путешествуя по Волге, в Казани прожил несколько дней А. Н. Островский. В начале 1890-х годов изыскания для строительства железной дороги на восток от Казани вёл Н. Г. Гарин-Михайловский. Выступал неоднократно В. В. Маяковский со своими друзьями и, кстати, учившимся одно время в Казанском художественном училище Д. Бурлюком. Часто это была дорога тюрьмы и каторги. По пересекавшему Казань

¹ О комплексности подхода см.: Гололобов, 2008.

Сибирскому тракту осенью 1790 года провезли в ссылку А. Н. Радищева, при выезде из Казани он начал свой знаменитый сибирский дневник. Позднее по этой дороге прошли декабристы.

В Казани начиная с XVIII века, с открытием Первой мужской гимназии, начинается своя литературная жизнь, которая развивалась и далее прежде всего благодаря Университету. Казань многими сторонами своей культурной жизни была обязана университету. В 1790-е годы образовался литературный кружок, казанские литераторы вели переписку или были лично знакомы с Н. М. Карамзиным и др. Профессора и студенты были не только авторами, но и хорошими читателями. Великий математик Н. И. Лобачевский домашним читал вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Н. В. Гоголя. И. Е. Великопольский, сводный брат жены Лобачевского (близко общавшийся с Пушкиным), утверждал, что ректор университета писал стихи и эпиграммы. С этим кругом был связан и Е. А. Баратынский – а через него Казань уже связана со всей русской литературой первой половины XIX века. Профессор и тоже ректор И. М. Симонов был знаком и переписывался с Е. А. Баратынским. Лучшей провинциальной газетой Поволжья был «Волжский вестник», который начал выходить в 1884 году. В течение пяти лет его главным редактором был историк права, профессор Казанского университета Н. П. Загоскин. Это привлекало многих замечательных общественных деятелей, учёных, писателей, публицистов и литературных критиков.

В годы литературной зрелости в Казани не творили значительные русские писатели, однако юность многих из них прошла именно здесь благодаря гимназии и Университету: это Г. Р. Державин, Л. Н. Толстой, П. Д. Боборыкин, А. М. Пешков (Максим Горький), Е. Н. Чириков, В. Хлебников и многие другие. Однако город не часто был местом действия их произведений: так, действие рассказа «После бала» Л. Н. Толстого перенесено в Москву, как и события ряда «казанских» по впечатлениям произведений Максима Горького.

Город «состоит» из символических топосов с их особой топонимикой, топографией и историей. Несмотря на то, что не сформировался цельный казанский «городской текст», благодаря литературе и культуре отдельные топосы оказались наполнены литературной и культурной памятью.

К. Линч отмечал, что в каждом городе есть специфические доминантные точки, они важны для «вообразимости города», то есть легко конструируются в воображении человека при воспоминании о данном городе (Линч, 1982, сс. 21–22). Большую роль при этом играет топонимика. К. Яник-Борецка в статье «Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия» вслед за рядом исследователей назвала такие точки «место-палимпсест»: «Подобный подход к изучению места идеально вписывается в исследования топонимии, потому что место обитания человека накапливает в себя многие значения, концепты и ассоциации. Часто топонимы являются единственными свидетелями прошлого этой территории, так как бывает, что топонимы мотивируются словами из мёртвых языков. Таким образом, память о прошлом вписывается в наименование места, создавая своего рода ономастический текст» (Яник-Борецка, 2022, с. 146).

Обратимся к анализу одного из таких казанских пространств – это парк в самом центре города под названием «Чёрное озеро». Нас интересует, какую роль это пространство играет в культурной памяти города, каков его потенциал не просто как рекреационного, но «культурного» и «литературного» пространства и какие

тенденции, характерные для развития Казани как города (Казань претендует на звание «третьей столицы» России и крупного туристического центра), проявляются в связи с этим.

Из-за низинного положения между холмами в центре Казани недалеко от Кремля образовались озёра, которые получили название Чёрное (водоём был здесь ещё в ханские времена, и по-татарски оно звалось «Гнилое озеро» – «Черек күл»), Поганое, Банное. В начале XIX века берега Чёрного озера стали застраивать, родники и протоки постепенно засыпались, система озёр пришла в запустение, и было решено оставить одно, самое большое Чёрное озеро, а остальные засыпать. Был намечен план благоустройства, а в 1820-е годы появилось первое в городе общественное пространство «Общественный сад на Чёрном озере», затем оно называлось «Летнее гулянье», «Общественное гулянье», «Черноозёрский сад», «Чёрное озеро». В 1829 году озеро облагородили уступами, дёрном, появились обсаженные деревьями аллеи (ил. 1). В 1847 году его обнесли чугунной решёткой, а в 1859 году появился первый трактирный павильон. Со временем мелкий водоём заболотился, что сопровождалось неприятными запахами. Городскими властями было принято решение засыпать озеро. Половина Чёрного озера была засыпана в 1864 году. В 1875 году сад начали освещать газом. В 1889 году озеро было окончательно засыпано, и на его месте появился искусственный водоём.

Ил. 1. Турин В. С. Вид городской больницы с Чёрного озера в Казани. 1834.
Из альбома «Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры, литографированы и изданы В. Туриным». Бумага, литография.
Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан.
Источник: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/iskusstvo/izobrazitelnoe-iskusstvo-i-dpi/personalii/turin-vasilij-stepanovich>

В конце XIX века парк служил одним из основных мест гуляний казанцев, которых привлекала играющая по вечерам музыка. В 1894 году появился фонтан (ил. 2), который зимой превращался в каток (ил. 3). На рубеже XIX–XX веков здесь были рестораны, у одного из них был бильярд, кегельбан и тир, он круглый год освещался электричеством от собственной динамо-машины задолго до появления городской электростанции. Всё это привлекало самую разнообразную и многочисленную публику.

Ил. 2. Старинная открытка рубежа XIX–XX веков. Из частного собрания.

Источник: [https://ru.m.wikime-](https://ru.m.wikimedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg)

[dia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg](https://ru.m.wikimedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg)

Ил. 3. Каток на Чёрном озере. Конец XIX–начало XX века. Фотография
 Источник: <https://kitaphane.tatarstan.ru/index.htm/news/2006449.htm>

Общественный сад связан с именем Л. Н. Толстого, который жил в Казани в годы юности с 1841 по 1847 год. В черновиках к «Исповеди» он писал: «Помню потом, что весной, в день первого моего экзамена в университет, я, гуляя по Чёрному озеру, молился богу о том, чтобы выдержать экзамен, и, заучивая тексты катехизиса, ясно видел, что весь катехизис этот – ложь» (Толстой, 1957, с. 488).

Зимой Чёрное озеро использовалось как каток, и Лев Толстой катался здесь на коньках – общественный каток существует здесь и в наши дни. Но несмотря на то, что два дома из трёх, в которых Толстой жил в Казани, находились в непосредственной близости от Чёрного озера, само оно не изображено в его произведениях.

Большее внимание ему уделит популярный в своё время писатель П. Д. Боборыкин, бывший некоторое время в Казани студентом. Он показал это пространство как наполненное студентами вследствие близости Университета:

Возвращаясь назад, приятели спустились по переулку в левую сторону от Преображенской и попали в городской сад, или Чёрный пруд, как он назывался у туземцев. Этот Чёрный пруд был по происхождению своему, большой овраг, провалившийся в болотистой ложине. Старанием местных властей и градоправителей, он был обнесён железной решёткой и обсажен деревьями. Гуляние по нему, в эту пору лета, было соединено с удовольствием нюхать запах водяной плесени. На одной из главных дорожек помещался балаганчик, долженствующий представлять собою кондитерскую. Около него, на скамейках, помещались всюду кочующие ярославцы с мороженым. Этот продукт забирался больше студентами, и всё в долг.

– Татарское гулянье! – крикнул Горшков, проходя по алее вдоль озера, и запах первый сорт, – припекает, знаешь, а деревья только для украшения!

Они заглянули в балаганчик, увидели там несколько голубых околышей вокруг маленьких столиков, поели мороженого; оно оказалось гораздо лучше той мерзости, которую обыкновенно предлагают разносчики.

<...> По дорожкам пахучего Чёрного пруда мелькали-таки гуляющие. Попадались и дамы разного сорта: скромные чиновничьи жёны с дочерьми, купчихи в платочках, с огромными бархатными воротниками на ярких салопах. Прошли две девицы из местной аристократии, гувернанткой и собачкой на верёвочке. Но всего больше попадалось студентов. Они и составляли, конечно, главный предмет наблюдения наших юношей. <...> От всех этих потёртых сюртуков, фуражек, надетых набекрень, резких голосов, бойких лиц веяло чем-то новым, каким-то завлекательным задором, какого ещё не приходилось видеть Телепнёву в его детской и отроческой жизни. И когда попались ему два-три франтика студента с английским пробором, в только что появившихся тогда блинообразных фуражках, в длиннейших шикарных сюртуках, чуть не по пятки, и узейших брюках – ему стало приторно, гадко; он возмутился их порядочностью (Боборькин, 1864, с. 27–29).

Будучи бесплатным общественным пространством (соседний сад был платным, для более дорогой публики) и всё же местом хоть немного близким к природе посреди города, парк и далее привлекал студентов, именно потому он стал местом действия рассказов ещё одного известного писателя, хотя и забытого из-за эмиграции после революции, одного из организаторов сходки казанских студентов 1887 года, Е. Н. Чирикова. В романах «Юность» и «Возвращение» возникают бытовые зарисовки, почти не связанные с развитием сюжета и представляющие собой лирические воспоминания главного героя. Затягивая повествование, подобные эпизоды в то же время отражают неповторимую атмосферу неторопливой, незатейливой и поэтичной провинциальной жизни, с которой так тесно связан человек:

Город – как на ладонке. Налево, на горном откосе старый Кремль, а направо – мечети, мечети... А вот св. Варлаамий... <...> Вот выехали на Воскресенскую... <...>. Вот подъехали к Чёрному озеру. “Извозчик! А где озеро?” – «Засыпали его...» – “Зачем?” – “Для здоровья, что ли... лягушки больно верещали... Губернатору не понравилось, что ли...” Ах, как мне жаль этого исчезнувшего озера! Оно было так красиво в раме густых акаций. Оно было тинное, с кувшинками, с лилиями, с плавунами, с лягушками, с бегающими пауками. На берегу его, в густых зарослях, можно было совсем забыть о городе... Ах, как жаль, что нет больше красивого Чёрного озера. Засыпали. Точно кусочек моей жизни закопали. Я так любил посидеть вечерком на берегу и тайно покурить папиросу в полной безопасности от гимназического начальства... (Чириков, 1914, с. 14).

Или:

Вспоминалась проделка студента Касьянова. Купил водки, воблу, взял удочку и отправился на Чёрное озеро. Начадил воблу на крючок, и забросил лесу в озеро, а сам послал на бережку газету, поставил водку, рюмки, выложил хлеб, ножик с вилкой.

– Касьянов! Ты какого чёрта тут делаешь?

– Рыбу ловлю.

Какая тут рыба? Лягушку поймал только.

Мы подсаживаемся к товарищу. Прогуливающаяся публика приостанавливается и с насмешливым любопытством смотрит на чудака-рыболова:

– Какая тут рыба...

– Чудаки.

Не верят, а дожидаются. Подходят новые и новые лица. Касьянов невозмутим.

– Тише, господа, клюёт, – обернувшись к публике, раздражённо просит Касьянов. – Расходитесь. Мешаете.

Не расходятся.

– Место общественное. Имеем полное право.

И вдруг Касьянов кидается к удочке и с силой начинает тащить что-то, поводя лесой и потрясывая удилищем. Общее изумление.

– А ведь попало что-то.

– Лягушка, поди...

Касьянов взмахнул рукой, и солёная рыба выскочила из воды на берег. Не сразу жители поняли, в чём дело. Только когда Касьянов стал обколачивать воблу о подмётку своих ботфортов и сдирать кожу, раздался гомерический хохот в собравшейся толпе.

– А теперь, господа, выпьем и закусим, – произнёс Касьянов и начал наливать рюмки. Кто-то в толпе обиделся и начал ругаться, стращать:

– Народ морочат... По шеям надо...

– А ты зачем стоял? Мы тебя не звали...

Дело дошло до полицейского... Как всё это недавно было... А теперь нет озера, на его месте разбиты цветочные клумбы, посажены молоденькие тополи (Чириков, 1911, с. 11).

По праздникам сад притягивал воров и представительниц древнейшей профессии. Татарский писатель Гаяз Исхаки в произведениях, которые были во многом автобиографическими, рассказывал, что сюда шли шакирды (студенты медресе, мусульманского учебного заведения), чтобы увидеть «запретную» жизнь.

В начале XX века на углу Чёрного озера строится каменное здание для цветочного магазина, который работает до наших дней. Одна из городских легенд связана с тем, что именно этот магазин вдохновил казанского поэта Лидию Григорьеву на стихотворение «Магазин “Цветы”», положенное на музыку Давидом Тухмановым, и эта песня вошла в репертуар Софии Ротару.

Чёрное озеро окружено важными для города зданиями. В 1883 году был построен Александровский пассаж – самое роскошное здание города, где позже появился первый в городе кинотеатр. В 1977 году черноозёрская часть здания обрушилась из-за подземных вод засыпанной озёрной системы. В этом здании Г. Яхина «поселила» одного из героев романа «Зулейха открывает глаза». Парк окружали Александровская лечебница для приходящих, архитектурное отделение Губернской земской управы, номера, больница, богадельня и др. В 1890 на северо-западном берегу Чёрного озера было построено деревянное здание летнего цирка братьев Никитиных (сгорело в 1961 году). Поэт В. Тушнова, проведшая юность в Казани, посвятила ему «Стихи о цирке»: «Как ни покажется это нелепо вам, // Но едва разгоралась заря малиново, // Я просыпалась от великолепного, // Важного, грозного рыка львиного» (Тушнова, Стихи о цирке).

Кардинальную смену смыслов претерпел топоним Чёрное озеро после революции. На бывшей улице Черноозёрская в доме Н. И. Лопатина в 1918–2004 годы размещалось управление Народного комиссариата внутренних дел (позднее Комитет государственной безопасности, Федеральная служба безопасности), затем Министерство внутренних дел ТАССР, РТ. После смерти Ф. Э. Дзержинского (1926) улице было присвоено его имя. Словосочетание «Чёрное озеро» стало ассоциироваться у горожан с комплексом управлений спецслужб и внутренней тюрьмой, что отразилось в городском фольклоре, например, анекдоте: «Грузин говорит: “Какое у нас озеро есть, называется Рица, как попадёшь туда, несколько дней уйти не можешь”. Казанец отвечает: “А какое у нас есть Чёрное озеро! Как попадёшь туда, никогда больше не выйдешь”».

Это отразилось в мемуарах матери В. Аксёнова Е. Гинзбург «Крутой маршрут»:

Поднимаюсь на второй, потом на третий этаж. По коридорам деловито проходят люди, из-за застеклённой двери раздаётся треск пишущих машинок. Вот какой-то молодой человек, где-то виденный, даже рассеянно кивнул и обронил “здрассьте”. Самое обыкновенное учреждение!

И я уже теперь совсем спокойно поднимаюсь на четвёртый этаж и на секунду останавливаюсь у двери комнаты № 47. Стучу и, не расслышав ответа, переступаю порог. И сразу сталкиваюсь со взглядом Веверса. Глаза в глаза.

Их бы надо в кино крупным планом показывать, такие глаза. Совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток, которым сейчас будет подвергнута жертва. К этому взгляду не требовалось никаких словесных комментариев.

Но я ещё сопротивляюсь. Я продолжаю делать вид, что считаю себя по-прежнему человеком, коммунистом, женщиной. <...>

Капитан Веверс нажимает другую кнопку. Появляется конвоир — мужчина. Веверс снова с ненавистью и презрением в упор смотрит на меня своими свинцовыми глазами.

– А теперь в камеру! В подвал! И будете сидеть до тех пор, пока не сознаётесь и не подпишете всё!

Чёрное озеро — это, собственно, название одного из городских садов в Казани. Когда-то, до революции, это было излюбленное место разгульных купчиков. Здесь был дорогой ресторан, эстрадный театр. Сейчас территория сада использовалась для различных выставок, а зимой здесь был каток.

Но после того, как областное управление НКВД переселилось на Черноозёрскую улицу, прямо против сада, название “Чёрное озеро” перестали относить к саду. Слово приобрело тот же смысл, что “Лубянка” для Москвы.

– Не болтай, а то на Чёрное озеро попадешь!

– Слышали, его ночью на Чёрное озеро увели?

Подвал на Чёрном озере. Это словосочетание вызывало ужас. И вот я иду в сопровождении конвоира в этот самый подвал. Сколько ступеней вниз? Сто? Тысяча? – не помню. Помню только, что каждая ступенька отдавалась спазмами в сердце, хотя в сознании вдруг мелькнула почти шутливая мысль: вот так, наверно, чувствуют себя грешники, которые при жизни много раз, не вдумываясь, употребляли слово “ад”, а теперь, после смерти, должны воочию этот ад увидеть.

Тяжёлая железная дверь скрипит очень громко. Но это ещё только преддверие ада. Прокуренное помещение без окна, освещённое лампочкой, висящей под потолком. За столом – бледный человек в форме тюремного надзирателя. У него тяжёлые набрякшие мешки под глазами, а глаза оскорбительно равнодушные, как у маринованного судака. Он смотрит на меня как на пустое место. Единственное, что его интересует во мне, – это мои часы. Пояса у меня ведь нет, я женщина. А назначение этого пункта — изъятие часов и поясов у новых заключённых. Чтобы не знали, который час, и чтобы не на чем было повеситься. Часы мои ему нравятся. Они у меня красивые, заграничные. Муж подарил, после того как потеряли тогда в сугробе старые. Он одобритительно разглядывает часы, и в его судачьих глазах мелькают живые искорки. Потом он приступает к заполнению анкеты. Оказывается, анкета требуется даже для входа в ад. Затем они обмениваются короткими репликами, смысл которых сводится, по-видимому, к вопросу о том, в какую камеру меня отвести.

А вот и сам ад. Вторая железная дверь ведёт в узкий коридор, тускло освещённый одной лампочкой под самым потолком. Лампочка горит особым тюремным светом, каким-то багрово-красным накалом. Справа сырая, серая, в подтёках стена. Трудно допустить, что это одна из стен того самого дома, где расположен комфортабельный кабинет капитана Веверса... А слева...

Слева двери, двери, двери... Они заперты на засовы и огромные ржавые замки. Висячие, первобытные, какими, наверное, до революции закрывались какие-нибудь купеческие амбары в глухой провинции. А за этими дверьми люди? Конечно же! Коммунисты, товарищи мои, попавшие в ад раньше меня. Профессор Аксенцев, секретарь горкома Биктагиров, директор университета Векслин... И ещё многие... (Гинзбург, 1989, сс. 35–39).

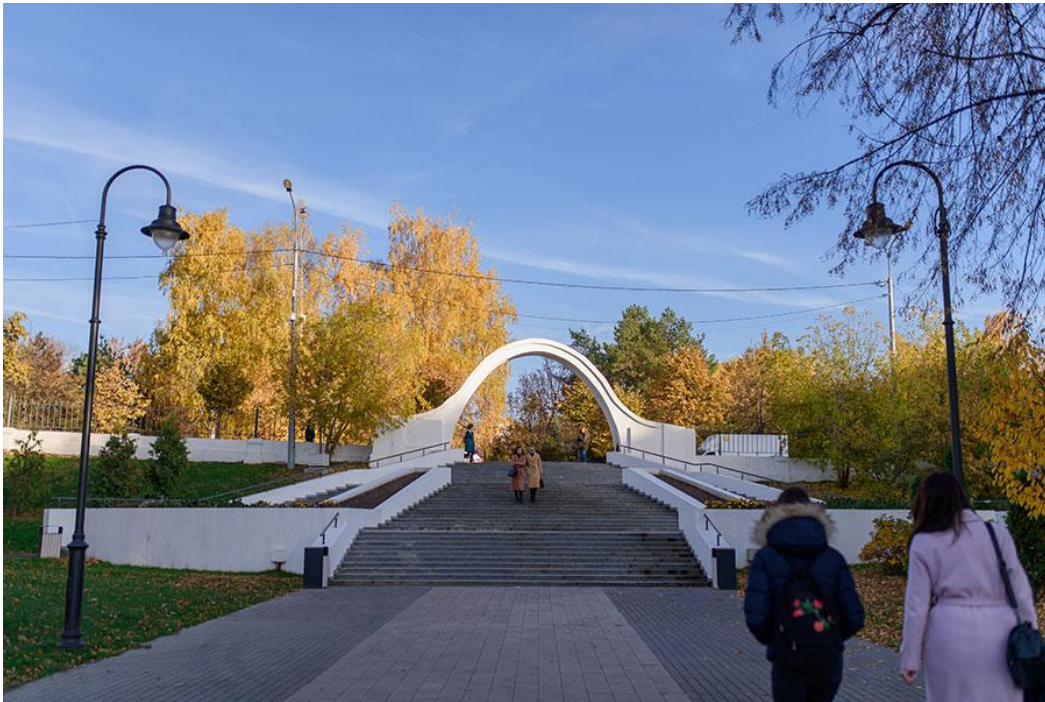
В 1930-е годы у выхода из парка была установлена «Арка влюблённых» по проекту И. Герасимова, которая обладает акустическими свойствами, усиливая шёпот (ил. 4). Она также стала героем литературы:

Живёшь и печёную осень
 относишь к измятым губам,
 а жёлтые крошечки носишь
 бескрылым уже голубям.
 Пройдя через Арку Влюблённых,
 спускаясь за дождичком вниз,
 сквозь цепь искалеченных клёнов
 ты озера видишь карниз. <...>
 Задумчиво и виновато
 твой взгляд переулку открыт –
 Пассажу киваешь приватно,
 рассыпав по лавке дары,
 в аллеях, где ты произрос
 Где бегал на лыжах и с горки
 ледянками мучил асфальт,
 где летом от корки до корки
 читался мячами офсайд.
 Где в марте, отважный и робкий,
 в стремнине коварного льда
 на досках хоккейной коробки
 ты плыл неизвестно куда... (Учаров, 2019).

Для многих казанцев в 1970–1980-е годы Чёрное озеро было детским парком, потом долгое время было заброшенным после урагана, вырвавшего деревья. В 2011 году горожане остро отреагировали на идею властей сделать на месте парка парковку. И в 2016–2017 годы парк был реконструирован. Как сообщает официальный сайт архитектурного бюро, создавшего проект, «парк находится в самом центре Казани в пешей доступности от кремля, нескольких университетов и театра, поэтому проектное функциональное зонирование отвечало новой роли парка как общегородского места притяжения с большим количеством сервисов и площадками для проведения общегородских мероприятий. Сильные стороны парка – озеро, зелень и историческое наследие были подчёркнуты. У озера появились удобные спуски к воде в виде амфитеатра, по зелёной зоне проложены прогулочные тропинки, а исторически ценные элементы отреставрированы»² (ил 5, 6).

Действительно, в последние годы парк всегда полон посетителей, которые прогуливаются по аллеям, отдыхают на газонах вокруг водоёма, приходят на летние концерты, в хороший ресторан, на книжные фестивали и пр., а зимой на общественный каток.

² Сайт Бюро WOWHAUS: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Ил. 4. Чёрное озеро. Современный вид.
 Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Ил. 5. Чёрное озеро. Современный вид.
 Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Итак, топос «Чёрное озеро» является одной из доминирующих точек в казанском урбанистическом пространстве, во многом за счёт истории и культуры, с которыми он связан.

Ил. 6. Чёрное озеро. Современный вид.
 Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Несмотря на то, что реконструированное пространство современного парка снова стало центром притяжения для горожан, в полной мере потенциал культурной памяти не использован. Горожане не знают, какой образ его создавался в литературе, что они ходят по дорожкам, по которым ходил Лев Толстой. Многие студенты удивляются «странному» названию, считают его неприятным и предлагают заменить.

Несмотря на большую работу по созданию притягательных для горожан и туристов пространств в Казани, литература и культура не задействованы для формирования исторической и культурной памяти. И это не случайно: многие исторические памятники были снесены в начале 2000-х годов, на их месте появились т. н. новоделы. Город стал более ярким, чистым (когда-то у него была слава одного из самых грязных городов Поволжья), столичным, однако словно возникшим заново. Это связано и с миграцией населения (многие школьники уезжают получать высшее образование в Москву, в Казань приезжают учиться из других городов), и с отмиранием литературоцентризма русской культуры (практически не проводятся экскурсии по литературным местам города), и с тем, что многие городские проекты создаются не коренными горожанами. «Новые казанцы» воспринимают город как удобный для жизни, но не чувствуют в нём укоренённости, город не наполнен для них голосами прошлого, он не является лично прожитым пространством, а это опасно для будущего развития. Чтобы изменить ситуацию, необходимо раскрывать подобные Чёрному озеру пространства как «палимпсесты», например, через расположенные по всему периметру сада стенды с фрагментами воспоминаний и художественных произведений, а также видами разных периодов.

Библиография

- Анциферов, Н. П. (1926). *Книга о городе*. Брокгауз-Ефрон.
- Анциферов, Н. П. (1991). *Душа Петербурга*. Брокгауз-Ефрон.
- Боборыкин, П. Д. (1864). *В путь-дорогу*. Т. 2. Типография внутренней стражи и Э. Арнольда.
- Гинзбург, Е. (1989). *Крутой маршрут*. Т. 1. Изд-во ЦК КП Латвии «Курсив» – Творческая фотостудия Союза журналистов ЛССР.
- Гололобов, М. А. (2008). Городской текст и ракурсы его интерпретации. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(57), 178–182.
- Гриневич, О. А. (2021). Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1, 77–90.
- Линч, К. (1982). *Образ города*. Стройиздат.
- Лотман, Ю. М. (1984). Символика Петербурга и проблемы семиотики города. *Труды по знаковым системам*, 18, 30–45.
- Лотман, Ю. М. (1993). Город и время. В Л. Морева (ред.), *Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Т. 1. (с. 84–92). Эйдос.
- Меднис, Н. Е. (2003). *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирский государственный педагогический университет.
- Толстой, Л. Н. (1957). *Полное собрание сочинений: В 90 томах. Том 23: произведения 1879–1884*. Художественная литература.
- Топоров, В. Н. (1984). Петербург и петербургский текст русской литературы. *Труды по знаковым системам*, 18, 4–29.
- Тушнова, В. *Стихи о цирке*. URL: <https://www.ruscircus.ru/public/stihi1.shtml>.
- Учаров, Э. (2019). Парк Чёрное озеро. URL: <https://www.litres.ru/book/eduard-raimovich-ucharov/stihodvoreniya-42122727/chitat-onlayn/>.
- Чириков, Е. (1911). Юность. *Вестник Европы*, 2, 174–200.
- Чириков, Е. (1914). Возвращение. *Вестник Европы*, 2, 5–65.
- Яник-Борецка, К. (2022). Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1(2), 142–156.

References

- Antsiferov, N. P. (1926). *A book about the city*. Brockhaus-Efron. (In Russian).
- Antsiferov, N. P. (1991). *The soul of Petersburg*. Brockhaus-Efron. (In Russian).
- Boborykin, P. D. (1864). *On the road*. Vol. 2. Printing House of the Internal Guard and E. Arnholz. (In Russian).
- Chirikov, E. (1911). Youth. *Bulletin of Europe*, 2, 174–200. (In Russian).
- Chirikov, E. (1914). Return. *Bulletin of Europe*, 2, 5–65. (In Russian).
- Ginzburg, E. (1989). *Steep route*. Vol. 1. Publishing house of the Central Committee of the Communist Party of Latvia “Kursiv” – Creative Photo Studio of the Union of Journalists of the LSSR. (In Russian).
- Gololobov, M. A. (2008). An urban text and perspectives of its interpretation. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 1(57), 178–182. (In Russian).
- Grinevich, O. A. (2021). Tsarskoye Selo text in Russian poetry: Structure and dynamics. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1, 77–90. (In Russian).

- Janik-Boretska, K. (2022). Palimpsest places of St. Petersburg and their names. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 142–156. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1984). St. Petersburg symbolics and problems of city semiotics. *Sign Systems Studies*, 18, 30–45. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1993). The city and time. In L. Moreva (Ed.), *Metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture. Vol. 1.* (pp. 84–92). Eidos. (In Russian).
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. Stroyizdat. (In Russian).
- Mednis, N. E. (2003). *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Tolstoy, L. N. (1957). *Complete Works: In 90 Vol. Vol. 23: Works 1879–1884*. Fiction. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1984). St. Petersburg and the St. Petersburg text of Russian literature. *Sign Systems Studies*, 18, 4–29. (In Russian).
- Tushnova, V. *Poems about the circus*. URL: <https://www.ruscircus.ru/public/stihi1.shtml> 03.11.2024. (In Russian).
- Ucharov, E. (2019). *Black Lake Park*. URL: <https://www.litres.ru/book/eduard-raimovich-ucharov/stihodvoreniya-42122727/chitat-onlayn/>. (In Russian).

Информация об авторе

Лия Ефимовна Бушканец
 доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры русской литературы
 и методики её преподавания
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Российская Федерация, 420111, Казань,
 ул. Татарстан, 2
 ORCID ID: 0000-0002-3581-6320
 Web of Science ResearcherID: E-2930-2015
 Scopus AuthorID: 57190734068
 e-mail: lika_kzn@mail.ru

Information about the author

Liya E. Bushkanets
 Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor
 Professor of the Department
 of Russian Literature and Methods of Teaching
 Kazan (Volga Region) Federal University
 2, Tatarstan St., Kazan, 420111,
 Russian Federation
 ORCID ID: 0000-0002-3581-6320
 Web of Science ResearcherID: E-2930-2015
 Scopus AuthorID: 57190734068
 e-mail: lika_kzn@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 15.09.2024
 Принят к публикации / Accepted 15.10.2024